

Вадим Дамье **Экономика свободы**

Крушение государственно-капиталистических диктатур в Восточной Европе и в бывшем Советском Союзе доказало, что любые попытки совместить справедливый общественный идеал с сохранением государства и товарно-денежных (рыночных) отношений обречены на неминуемый провал. Коммунистический анархизм всегда предсказывал марксистским утопиям именно такой конец; он ни в коей мере не дискредитирован опытом социал-демократии и партийно-государственного "коммунизма", а потому нет никакой необходимости "дополнять" его заимствованиями из этих учений, которые потерпели полный крах.

Идея "рыночного социализма" относится именно к таким заимствованиям. Она родилась в головах социал-демократических теоретиков и была взята на вооружение партийными реформаторами, что, однако, не спасло "коммунистический лагерь", а ускорило экономическую катастрофу. Тем не менее, многие левые - включая часть анархистов - подхватили мысль о соединении социализма и рынка, сочтя ее альтернативой централизованному "планированию".

Между тем попытки антигосударственных, антиавторитарных социалистов сочетать справедливое общественное устройство с рыночными отношениями всегда проваливались. Они вели либо к своеобразному "коллективному капитализму" (так произошло, по описанию Г.Леваля и Д.Абада де Сантильяна, с некоторыми коллективизированными предприятиями во время испанской революции: они сохранили деньги и систему заработной платы и продолжали вести хозяйство эгоистически, на свой страх и риск), либо к ограничению самоуправления за счет расширения полномочий менеджеров (с целью более оперативного и "эффективного" принятия решений на рынке, как это имело место в киббуцах).

Рыночные отношения - даже самые "свободные" - совершенно несовместимы ни с солидарностью, ни с нравственностью, ни с самой свободой. Французский философ-экологист А.Горц показал в книге "Критика экономического разума", что как при централизованно-бюрократической, так и при рыночной системах воля человека скована, а его деятельность и вся жизнь общества ускользает из-под его сознательного контроля. Так, когда люди подчинены безликим и не зависящим от них законам рынка, которые невозможно проконтролировать, результаты несогласованной деятельности индивидов не соответствуют их воле и желанию. Эти результаты случайны, как в термодинамике. Между тем, свобода - это возможность осознанно управлять своей собственной жизнью (самоуправление). Социопсихолог Э. Фромм ("Иметь или быть") дал блестящий анализ так называемого "рыночного характера", показав как рыночные отношения разлагают и деформируют человеческую личность: она превращается в объект купли-продажи, в товар, который сам стремится выгоднее продать себя и развивает в себе только те качества, которые могут быть "куплены". Все отношения между людьми подчиняются эгоистическим, утилитарным принципам выгоды, любая деятельность становится проституцией, а взаимопомощь и солидарность исчезают, сменяясь взаимной войной "всех против всех", войной между озлобленными и завидующими друг другу индивидами.

Рыночные отношения не могут существовать в действительно свободном и солидарном обществе - они неизбежно и неминуемо разрушат его.

Некоторые предлагают сохранить рыночную ("социалистическую") модель только на "переходный" период до анархо-коммунизма, с оплатой "по количеству и качеству труда". Они повторяют марксистские доводы о различии между "социализмом" и "коммунизмом", о "перерастании" первого во второй и об условиях такого перерастания (более высокая производительность труда, изобилие, высокая сознательность и т.д.)

Эти чисто продуктивистские аргументы еще можно было бы обсуждать всерьез лет тридцать назад, до наступления экологического кризиса. Сегодня абсолютно ясно: справедливое общество может строиться только на экологической гармонии. Если человечество хочет выжить, то не только о росте, но в ряде отраслей даже о сохранении уровня производительности труда развитого капитализма не может быть и речи. А уж тот, кто связывает коммунизм с "изобилием" в традиционном смысле слова, рискует вообще никогда его не дождаться: неограниченный рост экономики в ограниченной системе планеты Земля невозможен.

Трудно согласиться и с мыслью о том, будто "оплата по количеству и качеству вложенного труда" наиболее результативна и приемлема, если мы хотим избежать незаинтересованности и пассивности со стороны трудящихся. Равнодушие людей к их собственному труду возникает тогда, когда они не могут сами контролировать его ход и результаты, не ощущают его общественной значимости, не представляют себе смысла и цели трудового процесса в целом. Это естественно при наличии отчуждения и детального ("тейлористского") разделения труда при современном индустриальном производстве, и никакое "материальное стимулирование" не в силах здесь что-либо изменить. Зато в аграрных коммунах революционной Испании и в кибуцах с коммунистической системой распределения люди понимали, зачем и для кого они работали, и трудились ничуть не хуже и не менее результативно, чем на капиталистических предприятиях.

Всерьез вести речь об оплате по количеству и качеству вложенного труда могут только те, кто вслед за марксистами полагает, будто эти вложения вообще можно измерить. В действительности же это невозможно. Любой общественно необходимый труд равноценен; нет возможности определить какому количеству труда, например, инженера равно какое-то количество труда крестьянина или водителя автобуса. Производительность труда может быть случайной и зависеть от очень многих факторов, вообще не поддающихся учету. Наконец, при современном производстве в любом изделии заключен труд тысяч и тысяч людей, даже нескольких поколений. Да и кто будет определять и устанавливать это "количество и качество" труда? Новая власть?

Попытки установить новую общественную иерархию "по труду" приведут только к нарушению равенства и солидарности, к возникновению новой привилегированной элиты "работоспособных", "квалифицированных" и преуспевающих, к установлению власти новых "стахановцев" и ударников "социалистического труда". А для защиты их власти и привилегий снова потребуется государство.

Разумеется, в свободном анархо-коммунистическом обществе и на первых порах сохраняются индивидуальные хозяйства, не эксплуатирующие чужой труд - мелких крестьян, ремесленников, кустарей. Они не будут подвергаться принудительной экспроприации, а подлежат добровольному постепенному кооперированию. Но было бы тяжелейшей ошибкой строить отношения в уже социализированном хозяйстве на тех же основах, что в индивидуальном "секторе", иначе этот последний неизбежно подчинит себе экономику в целом. Вплоть до полного обобществления мы будем иметь дело с двумя совершенно различными, пусть и взаимодействующими хозяйственными системами, причем в большей из них - социализированной - следует с самого начала установить коммунистические принципы распределения: свободное потребление того, что имеется в избытке и общественное распределение всего остального пропорционально индивидуальным потребностям (Кропоткин), от каждого по его индивидуального различным способностям, каждому по его индивидуально различным потребностям (принцип кибуца). Отношения с индивидуальными хозяйствами могут строиться на основе прямого продуктообмена, договорного доступа этих хозяйств к социализированным благам и услугам, транспорту и т.д. Преимущество при этом следует отдавать кооперативам.

Отношения в социализированном (коммунистическом) "секторе" с самого начала будут не рыночными, а ориентированными на потребности реальных людей. Экономика свободного общества будет планируемой в подлинном смысле слова. При государственно-капиталистической

диктатуре "планирование" было фальшивым, поскольку осуществлялось не снизу, "от потребителя", а сверху, из центра. Теперь же ассоциированные производители и потребители смогут совместно и солидарно определять, что, где и как будет производиться и потребляться, а на основе свободного договора "снизу вверх" сможет обеспечиваться взаимная координация потребностей и производственных возможностей. Пути такого "планирования снизу" подсказаны практическим опытом реально существующих коммун и потребительских кооперативов: потребители будут суммировать свои потребности на регулярных общих собраниях местных ассоциаций и координировать затем эти решения с производственными возможностями в экономических органах коммун или на их общих собраниях с делегатами от ассоциированных производителей. Коммуны, объединенные в региональные и межрегиональные федерации, самоуправляющиеся производители и потребители смогут, совместно и солидарно суммируя и координируя потребности и возможности с помощью статистики, через делегатов на конгрессах коммун и в экономических советах различного уровня, развивать более крупные хозяйственные объекты, которые служат всем или нескольким коммунаам.

"Планирование" экономики анархического общества не должно быть централизованным. Далеко не все необходимо координировать на уровне региона, континента или планеты. Здесь уместен иной принцип. Регион не должен брать на себя то, что одна коммуна в состоянии сделать сама, не затрагивая интересы других. И регион может управиться сам с большинством своих проблем, которые он в состоянии разрешить сам. Поэтому экономика анархизма ориентирована на максимально возможное (хотя, разумеется, не полное) самообеспечение. Это позволит, помимо прочего, смягчить экологические, сырьевые и транспортные проблемы и приблизит производство к потребителю.

Многие экономические и экологические проблемы современного общества порождены именно тем, что производится не то, что действительно необходимо конкретным потребителям, а то, что им могло бы понадобиться с точки зрения разрозненных производителей. То есть никто не знает заранее, нужно ли людям то или иное производимое изделие, это определяет затем рынок или бюрократ.

В свободном экологическом обществе все должно быть иначе. В свободном обществе экономика начинается с потребителя. Потребительские ассоциации, объединения жителей вместе с синдикатами работников распределительных центров в городских кварталах и в сельской местности занимаются выявлением текущих и перспективных потребностей жителей (нечто вроде системы заказов) и передают статистические материалы в экономический совет коммуны, который вместе с делегатами от синдикатов и от потребительских ассоциаций, опираясь на статистику, определяет, что из необходимого коммуна может произвести своими силами, для чего требуются продукты или участие извне и какие изделия или услуги коммуна может предоставить жителям других коммун. То, что коммуна в состоянии сделать для себя своими силами, делается на местном уровне и не требует координации с другими. Все остальное координируется с другими коммунаами на том уровне, на котором необходимо. Координация осуществляется с помощью статистики на экономических конгрессах делегатов от коммун и затем ратифицируется самими коммунаами (никто не может заставить коммуноу участвовать в том или ином общем проекте, но в таком случае никто не может заставить другие коммунаамы продолжать иметь с ней дело) То есть производиться должно именно то, что действительно необходима конкретным людям или группам людей. Распределение будет осуществляться через те же распределительные центры, которые собирают потребительскую информацию, безвозмездно, но по предъявлению потребителями индивидуальной карточки с указанием, что они отработали договоренное членами коммуны рабочее время, или детской, или пенсионной карточки (для неработающих и больных).

По мере развития новых общественных отношений можно будет осуществлять разукрупнение гигантских городов, экологизацию общественной и индивидуальной жизни, перераспределение труда в обществе (в том числе между полами), так чтобы постепенно жесткая специализация труда отошла в историю, а труд превратился в творческую и доставляющую удовольствие созидательную игру.

Хозяйственная система нового общества может быть только экономикой всеобщего самоуправления, экономикой свободы. Не профессиональные управленцы, бюрократы и директора должны регулировать производство, а сами трудящиеся. Общие экономические решения предстоит принимать всем - на общих собраниях потребительских ассоциаций и коммун или (через делегатов с императивным мандатом) на их конгрессах, а непосредственное руководство производством сосредоточится в руках самоуправляющихся трудовых коллективов, созданных ими технических советов и синдикатов, объединенных в двойную (отраслевую и территориальную) федерацию.

Все это, разумеется, только общие и принципиальные соображения. Есть множество деталей, которые невозможно предугадать и уж тем более - отразить в небольшой по объему статье. Ответ подскажет практика свободного общества. Пока же важно сознавать одно: люди, желающие выжить в достойных условиях, вынуждены будут отказаться от господства над природой и над себе подобными. Но это означает именно коренное изменение процессов и путей принятия общественных и экономических решений, замену внешнего регулирования (со стороны бюрократии или стихийных рыночных законов) самоуправлением и федеративным договорным "планированием" снизу.

Иными словами, анархическое общество будет обществом без бюрократии, без денег и без рынка, или его не будет вообще.